

В Центральной клинической больнице святителя Алексия прошло заседание секции «Актуальные вопросы больничного служения. Служение священников и добровольцев в госпиталях» Международных образовательных чтений-2022.

Священники, сестры милосердия, врачи, медицинские сестры, психологи, поделились опытом больничного служения, рассказали об особенностях ухода за ранеными, организации служения добровольцев, духовном окормлении лежащих в госпиталях.

*Большой интерес участников секции вызвало выступление **протоиерея Димитрия Пашкова**, старшего преподавателя кафедры общей и русской церковной истории и канонического права, клирика храма Покрова Пресвятой Богородицы в Красном селе. Он рассказал о церковных канонах и практике причащения воинов, участвовавших в боевых действиях. Предлагаем изложение данной информации, подготовленное редакцией.*

Церковные каноны и практика причащения воинов

В больницах России сейчас находятся на излечении военнослужащие, пострадавшие в боевых действиях. Больничные священники ставят вопросы: можно ли и как можно их причащать, при каких условиях и пр.

Чтобы разобраться в этом вопросе, протоиерей Димитрий построил свой доклад композиционно в трех частях: Византия, Московское царство и Синодальная эпоха.

Фундаментальный канон, который говорит о воинах, вернувшихся с фронта и о их благочестивой жизни и участии в Евхаристии, – 13-е правило святителя Василия Великого:

«Убиение на брани отцы наши не вменяли за убийство, извиняя, как мнится мне, поборников целомудрия и благочестия. Но может быть добро было бы советовать, чтобы они, как имеющие нечистые руки, три года удержались от приобщения токмо святых таин».

Как правило, любая правовая норма содержит в себе достаточно отчетливое императивное указание, правило действия – как при тех или иных обстоятельствах поступать.

Как мы видим, по форме канон Святителя Василия Великого есть не императив, а рекомендация – «но, пожалуй... хорошо бы посоветовать, чтобы они... удерживались... на три года». То есть сам святитель Василий как будто бы не очень уверен в том правиле, которое он предлагает. И понятно, почему. Канон Василия Великого – это его письма младшему коллеге сослужителю, Амфилохию, епископу Иконийскому. Это ответы на вопросы Амфилохия. И святитель Василий в начале писем признается, что сам не очень задумывался раньше над теми проблемами, что Амфилохий перед Святи-

телем Василием ставит, поэтому ответы иногда несут печать формальной неуверенности.

Кроме того, обращает внимание следующее словосочетание – «три года удержались от приобщения токмо святых таин». То есть возможно, что эта рекомендация Святителя Василия адресована не епископу, как правоприменителю, не Амфилохию. Она адресована самим воинам, поэтому здесь использованы возвратные формы глагола. В греческом тексте то же самое. То есть как будто бы святитель Василий возможно предлагает это воинам, как средство для очищения собственной совести. И тогда это становится совсем не нормой права, ведь правовая норма подразумевает права и обязанности двух сторон, а нормой морали. Моральная норма от правовой отличается тем, что она адресована кому-то одному и не рождает никаких прав.

Например, Христос, обращаясь к богатому юноше, говорит: «...Пойди, продай свое имение и раздай нищим». Это не значит, что нищие сразу могут приступить к юноше и требовать, чтобы этот богатый юноша удовлетворил какие-то их имущественные потребности. Или «...кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую», что не подразумевает, что твой оскорбитель может над тобой издеваться, как хочет, меняя направления удара.

Таким образом, нормы морали направлены на принятие решений в соответствии с совестью индивидуума.

Вполне возможно, что этот канон Святителя Василия Великого – не предписание нам, пастырям. А моральный совет самим воинам, которым хорошо было бы, если они хотят с чистой совестью приступить к причастию, чтобы они воздерживались от приобщения.

Можно сказать, что в Византии этот канон оставался неактуальным и практически никогда не использовался. Имеется только один случай, когда бы о нем вспомнили. Героический император Никифор Фока в 963 году предложил Патриарху Полиевкту и Синоду канонизировать всех воинов, которые пали в борьбе с арабами, против которых Никифор Фока вел войны, сам возглавляя войско. Патриарх собрал епископов, которые находились в столице, в Константинополе, и поставил перед ними этот вопрос. Епископы вспомнили об этом 13-м каноне Василия Великого и отвергли предложение, законодательную инициативу, как бы мы сейчас сказали, императора Никифора.

В XII веке в Византии трудилась целая плеяда известных канонистов – Алексей Аристин, Иоанн Зонара и Феодор Вальсамон. Они практически единогласно утверждали, что этот совет Василия Великого никогда и никем не исполнялся, это еще одно подтверждение, что этот канон оставался неактуальным.

Кроме того, нужно заметить, что у 13-го канона Василия Великого есть мощный противовес – 1-е правило святителя Афанасия Александрийского, старшего современника Василия, которого он очень почитал и уважал. Итак, два современника высказываются на одну и ту же тему, но диаметрально противоположным способом.

1-е правило Афанасия Александрийского, называемое «Посланием к монаху Аммуну», – пространное, оно не про войну и не про воинов. Однако Афанасий в этом каноне касается проблемы смены модуляции, так скажем, некоего события, в зависимости от контекста, в котором это событие, или деяние или правонарушение или грех, произошло.

Процитируем фрагмент:

«...не позволительно убивать; но убивать врагов на войне – и законно, и похвалы достойно.

Так великих почестей сподобляются доблестные в брани, и воздвигаются им столпы, возвещающие превосходные их деяния».

Таким образом, одно и то же, смотря по времени и в некоторых обстоятельствах непозволительно, как убийство безосновательное. А в других обстоятельствах и благовременно, и допускается, и позволяется.

Таким образом, мы имеем два противоречащих как будто бы друг другу канона, которые необходимо согласовать между собой. Есть несколько методов согласования противоречащих друг другу правил. Эти методы вполне общего юридического характера. Например, позднейший закон отменяет ранний. Но поскольку Афанасий и Василий – современники, то этот метод не подходит. Другой способ – выбирают то, которое улучшает правовое положение лица, оно предпочтительнее, нежели более строгое правило. Это касается не только гражданских норм, но и церковно-правовых. И поскольку канон святителя Афанасия относится к воинам гораздо более мягко, можно отдать ему преимущество.

Протоиерей Димитрий рассказал о русском каноническом подходе, опираясь ряд интересных наблюдений, которые делает современная исследовательница Е. В. Белякова в публикации «Отношение к войне и убийству в канонических памятниках XIV–XVI веков». В частности, она отмечает послания святителя Ионы Московского по случаю похода московского князя на Казань, архиепископа Ростовского Вассиана на Угру Ивану III, святителя Макария Московского Ивану Грозному также по случаю похода на Казань. Эти три епископа, два из них святых, утверждали, что воины, которые проливают кровь на поле брани, достойны мученических венцов. То есть здесь они были солидарны с императором Никифором Фокой и разошлись с Синодом Патриарха Полиевкта.

Это достаточно оригинальное представление, русское, идет дальше византийского подхода. Эти мнения ростовского и московских епископов не были оформлены в качестве правовых норм, но, тем не менее, их тоже надо учитывать.

До учреждения Святейшего Синода император Петр I в 1716 году издал воинский устав, в котором впервые упоминаются регулярные священники в армии, полковые священники, обер-священники и полевые священники. При Петре I появились и корабельные священники. И с этого момента возникает особый, назовем его класс, группа военного духовенства, которое на регулярной основе осуществляла свое служение в армии.

Интересно посмотреть, какой подход был выработан среди военного духовенства в Синодальную эпоху. К сожалению, этих практических указаний или нормативных документов нет возможности найти в изобилии, отметил протоиерей Димитрий. Он ссылается на источник – воспоминания отца Митрофана, впоследствии в постриге Сергия Сребрянского, духовника Елизаветы Федоровны, преподобной мученицы. Отец Митрофан во время русско-японской войны служил в 51-м драгунском Черниговском полку полковым священником и оставил замечательный дневник полкового священника. В нем он рассказывает, как наблюдал за сражениями на кромке поля боя, куда выносили раненых. И он тут же предлагал им причаститься. Вот пара показательных отрывков из его дневника:

«31 декабря 1904 года. Подхожу к раненому, открываю шинель, спрашиваю: «Не желаешь ли, я приобщу тебя Святых Таин? Господь есть первый Врач наших душ и телес». Ответ всегда один: «Очень рад, пожалуйста, батюшка». Тогда спрашиваю, нет ли каких особых грехов, кается ли сердечно и верует ли. Затем читаю разрешительную молитву и приобщаю раненого».

Из этой цитаты видно, что отец Митрофан не ставит вопрос – убивал ли, стрелял ли, пользовался ли оружием неизбирательного действия. Не спрашивает о том, как этот воин вел себя во время боевых действий. Он спраши-

вает, нет ли каких особых грехов. Возможно, речь идет о его верности присяге, верности семье...

«31 декабря 1904 года (*продолжение*): «...Так же точно причащаю по дороге на арбах и носилках. Подхожу к одной арбе; лежит раненый офицер Приморского драгунского полка. На мое предложение приобщиться Святых Таин он говорит: «Да я, батюшка, еще не собираюсь умирать». Вот как глубоко укоренился ложный взгляд на святое причащение больных. «Причастие, – говорю я ему, – не в могилу ведет, а соединяет с Богом и дает силы терпеливо перенести страдания, тем более что нам еще предстоит верст двести пути». «Благодарю вас, согласен», – отвечает. И офицер приобщился на арбе. Затем причастил на носилках казачьего офицера и до двадцати солдат».

«20 февраля 1905 года. «Батюшка, – говорит молодой наш врач В. И. Пиотровский, очень религиозный, – пойдёмте, раненого привезли». Подходим; ранен в руку, и пуля осталась там; после перевязки сейчас же приобщил его Святых Таин... Несут еще четырех раненых наших и Нежинского полка; сейчас же и их приобщил»

Это не смертельные ранения. Очевидно совершенно, что эти воины по исцелении наверняка должны были опять встать в строй. При этом нигде в дневниках отца Митрофана мы не находим размышлений о том, имеет право воин причащаться или нет.

Коллегой отца Митрофана в русско-японской войне был будущий протопресвитер русской армии и флота Георгий Шавельский. Он в 1911 году занял эту должность и во время Первой мировой войны выработал общий подход к послушанию армейских священников и даже задокументировал его в «Руководственных указаниях духовенству действующей армии» (2-е издание, 1916 год). Эти указания адресованы священникам полковым, которые одновременно несли послушание священников лазаретных, что было нововведением протопресвитера Георгия Шавельского. Полковой священник должен был находиться не на кромке поля, как отец Митрофан, а в лазарете принимать страждущих воинов:

«Литургия должна совершаться в лазарете возможно чаще. Ежедневно священник должен обходить палаты больных, беседуя, без надоедливости, с больными и, узнавая от сестер милосердия и больных, нет ли нуждающихся в напутствии Св. Тайнами; изъявивших желание приобщиться он немедленно причащает.

Тогда и трудно больные, когда священник обратится к ним с предложением причаститься, не будут малодушно смущаться, суеверно считая, как это наблюдается обычно при причащении, предвестником близкой и неизбежной кончины».

В завершении выступления отец Дмитрий отметил, что дальнейшее церковное законодательство умалчивает о необходимости отлучения или удержания от причастия воинов, участвовавших в боевых действиях.